

Леонид Столович

Тарту, Эстония

ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ААРОНА ШТЕЙНБЕРГА

Имя Аарона Захаровича Штейнберга, родившегося в 1891 г. в Двинске (ныне Даугавпилс в Латвии) и скончавшегося в 1975 г. в Лондоне, в Советском Союзе было предано забвению. В конце 1922 г. он эмигрировал в Германию. Ни до того, ни впоследствии он, мягко говоря, не был сторонником ни советской власти, ни марксистской версии философии и социализма. Будучи вынужден уехать из Германии, ставшей нацистским государством, и находясь в Англии, А. З. Штейнберг активно включается в международное еврейское движение. С 1948 по 1968 г. он возглавлял отдел культуры *Всемирного еврейского конгресса. Разумеется, деятельность его в этом направлении не могла приветствоваться режимом, который уничтожил *Еврейский антифашистский комитет, травил «безродных космополитов», готовил расправу над «убийцами в белых халатах» и окончательное решение еврейского вопроса в стране «победившего социализма».

За пределами этой страны Штейнберг был, как говорится, широко известен, но в довольно узких кругах. Всемирный еврейский конгресс откликнулся на его кончину брошюрой «Памяти д-ра Аарона Штейнберга»¹. Парижское издательство *IMCA-PRESS* в 1980 г. переиздало его книгу «Система свободы Достоевского», впервые изданную в Берлине в 1923 г. Уже после его смерти, в 1983 г., была издана собранная самим А. З. Штейнбергом его итоговая книга «История как опыт. Аспекты исторической мысли»², а в Париже в издательстве «Синтаксис» в 1991 г. вышли его мемуары «Друзья моих ранних лет (1911—1928)».

По достоинству оценить философские воззрения А. З. Штейнберга стало возможным благодаря необычайно широкому интересу к философским и филологическим взглядам М. М. Бахтина и прежде всего в связи с выходом второго издания его книги о Достоевском в 1963 г. В некоторых работах, посвященных книге М. М. Бахтина (Г. М. Фридлендер, М. С. Каган, В. Г. Белоус), отмечалась общность трактовки Бахтиным и Штейнбергом творчества Достоевского, в котором ими выявлялась диалогическая природа. При этом диалогическое осмысление творчества Достоевского было раскрыто А. З. Штейнбергом в упомянутой выше книге «Система свободы Достоевского», написанной в 1922 г. и изданной в 1923 г., т. е. за шесть лет до ставшей знаменитой книги М. М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (Л., 1929). Однако автор книги «Проблемы творчества Достоевского» с 60-х гг. стал всемирно известным мыслителем, правда, уже на закате своей нелегкой жизни. Автор же книги «Система свободы Достоевского» до сих пор почти не известен широкой научной и философской общественности России, да и за ее пределами.

Ни в первом издании «Проблем творчества Достоевского», ни в последующих трудах М. М. Бахтина нет никаких ссылок на книгу «Система свободы Достоевского». Возникает вопрос: знал или не знал М. М. Бахтин о книге А. З. Штейнберга? Автор этих строк на основе сравнения текстов книг о Достоевском М. М. Бахтина и А. З. Штейнберга пришел к выводу о том, что М. М. Бахтин несомненно читал

«Систему свободы Достоевского», о чем свидетельствует его анонимная полемика с А. З. Штейнбергом в трактовке самой природы диалога³.

Исследование показывает, что существует несомненная общность между важнейшей для Бахтина идеей диалогичности в его книге «Проблемы творчества Достоевского» (1929) и той же идеей в книге Штейнберга «Система свободы Достоевского» (1923). Но для Бахтина был и остался неприемлемым диалектический подход к творчеству Достоевского и к самой идее диалогичности, поскольку он противопоставляет диалог и диалектику, которая для него является проявлением не диалогизма, а монологизма. Для Штейнберга же диалог есть проявление диалектики. Диалектику он понимает в гегелевском смысле как учение о развитии в его противоречиях. Сама «система свободы» у Достоевского, по Штейнбергу, — это «диалектика свободы»⁴, «диалектическая система свободы с ее диалогической структурой» (ССД, 82). По убеждению автора «Системы свободы Достоевского», «потому именно Достоевский и есть систематик, что в мысли его господствует симфоническая диалектика» (ССД, 35).

Нельзя не отметить, что и сам Штейнберг — убежденный диалектик в духе Гераклита, Гегеля и Герцена. Примером тому может служить его диалектическое рассуждение о соотношении революции и контрреволюции на основе творчества Достоевского, рассуждение, в прозорливости которого убеждает исторический опыт России: «Режим террора, провозглашающий произвол эмпирического законодательства абсолютным законом объективного исторического становления, не может не кончиться самоумерщвлением. Не только отдельный человек, но и целое общественное течение должно кончиться самоубийством, когда его идеология абсолютизируется, а ее носители провозглашаются единственными субъектами непререкаемой исторической правды. Так именно революция диалектически перерождается в чистейшую контрреволюцию, террор — в орудие самогилютинирования» (ССД, 126—127).

При этом Штейнберг отдает себе отчет в том, что сама диалектика может выродиться в «софистическую, дурную диалектику» в духе Смердякова (ССД, 119—120), каковой она предстает в теории и практике большевистского режима. И неслучайно в конце книги «Система свободы Достоевского» мы читаем: «Чтобы победить дьявола, надо вырвать из рук его диалектическую шпагу. Достоевский учит, как трудно ею владеть, и он учит ею владеть. Его диалектическая система не завершение мысли, а школа мысли». Поэтому-то «он учит нас упражняться в философском диалоге с другими и с собою» (ССД, 144).

Актуализация книги «Система свободы Достоевского» в связи с философско-литературоведческим творчеством М. М. Бахтина — мыслителя трагической судьбы, воззрения которого лишь в конце его жизни и особенно после смерти получили всемирную известность, — важное свидетельство значимости философских взглядов А. З. Штейнберга. Штейнберг, опередивший Бахтина в определении диалогичности романов Достоевского, на мой взгляд, находится в равноправном положении с Бахтиным в понимании самой диалогичности, а следовательно, вносит свой вклад в трактовку одной из важнейших проблем современной философии — соотношения диалога и диалектики.

Представляет несомненный историко-философский интерес тот путь, который привел А. З. Штейнберга к философским воззрениям, ставшими столь актуальными во второй половине XX столетия и, смею думать, в настоящее время.

Аарон Штейнберг

А. З. Штейнберг родился 12 июня 1891 г. в Двинске Витебской губернии в семье, родственно связанной с выдающимися деятелями еврейской религии и культуры. Он получил традиционное еврейское образование, изучал *иврит, *Талмуд, *Танах, еврейскую историю. Впоследствии он поражал своих русских знакомых и друзей, в том числе поэта Николая Гумилева и религиозного философа Льва Карсавина, способностью читать Ветхий Завет в оригинале.

Высшее образование А. З. Штейнберг получил на философском и юридическом факультетах Гейдельбергского университета, где слушал лекции В. Виндельбанда и Г. Риккерта, писал диссертацию «О понятии реального» у Эмиля Ласка. Университет он окончил в 1913 г. со степенью доктора философии. Еще будучи студентом, А. З. Штейнберг начал печататься. Его статьи по философии и праву публиковались в российских журналах «Русская мысль»⁵, «Журнал министерства юстиции» и «Логос» (1914).

Редалируемый П. Б. Струве журнал «Русская мысль» посылает своего молодого сотрудника на IV Международный философский конгресс, который проходил в апреле 1911 г. в Болонье. В июльском номере «Русской мысли» А. З. Штейнберг публикует отчет о своей поездке — статью «Парламент философии». Эта статья представляет собой не просто отчет о командировке, а на материале международного философского форума показывает основные тенденции философского развития своего времени, решение таких проблем, как отношение веры и знания, религии и науки, рационального и интуитивного знания, специфики философии. На конгрессе Штейнберг восторженно слушал выступление А. Бергсона, «бывшего как бы некоронованным королем этого конгресса».

По рекомендации В. Я. Брюсова Штейнберг с 1910 г. начал посещать заседания Религиозно-философского общества, где он видел и слушал Н. А. Бердяева, Ф. А. Степуна, Д. С. Мережковского, В. В. Розанова и других русских мыслителей «серебряного века». Во время Первой мировой войны А. З. Штейнберг был задержан в Германии до 1918 г. как российский подданный.

В России в 1919 г. А. З. Штейнберг принимает активное участие в организации и деятельности Вольной философской ассоциации (Вольфилы). В издаваемом В. Э. Мейерхольдом «Вестнике театрального искусства» был напечатан «Проект Вольной философской академии». Рядом с подписью под ним А. А. Блока, А. Белого и К. Эрберга стоит и подпись А. З. Штейнберга, который был автором проекта. Он входил в состав организационного ядра этой организации в Петрограде вместе с Андреем Белым, Александром Блоком, Ивановым-Разумником (Р. В. Ивановым), К. Эрбергом (К. А. Сюннербергом), А. А. Мейером, К. С. Петровым-Водкиным, В. Э. Мейерхольдом. В деятельности Вольфилы принимали участие также известные русские философы Л. П. Карсавин, Э. Л. Радлов, С. А. Аскольдов, Н. О. Лосский. В московском отделении Вольфилы участвовали Н. А. Бердяев, М. О. Гершензон, Ф. А. Степун, С. Л. Франк, Б. П. Вышеславцев и ряд других выдающихся деятелей русской культуры. А. З. Штейнберг был избран ученым секретарем и руководителем отдела «чистой философии».

Деятельность ассоциации в ноябре 1919 г. открылась докладом А. А. Блока «Крушение гуманизма». Штейнберг выступал с докладами на многих заседаниях Вольфилы. Он, наряду с А. Белым, Р. В. Ивановым-Разумником, В. Шкловским и др., участвовал в диспутах о Герцене, Лаврове, о пролетарской культуре. Он же принимал участие в заседании, посвященном 300-летию со дня появления «Солнечного Града» Кампанеллы, памяти Кропоткина, в заседании в честь Платона. На заседании «Иудейство и христианство» Штейнберг сделал доклад «О иудаизме», а А. Белый представлял христианство. В 1921 г. А. З. Штейнберг выступил как официальный оппонент по докладу Борижевского «Материалистическое понимание истории». Когда осенью 1921 г. Философская ассоциация серий докладов отмечала 100-летие со дня рождения Ф. М. Достоевского, Штейнберг 16 и 23 октября выступил с докладами «Достоевский как философ», которые явились началом его будущей книги о великом писателе⁶.

На заседании отдела «чистой философии», которым А. З. Штейнберг руководил, он делал доклады «Трансцендентальный метод и метафизика», «Время и пространство в философии истории»⁷, «Пушкин и Достоевский» и др. Он также читал курс по метафизике, вел семинар по Канту⁸.

А. З. Штейнберг читал также лекции по философии в Петроградском философском институте, Еврейском университете, в Институте живого слова. Он сотрудничал с Театральным отделом Наркомпроса.

Таким образом, А. З. Штейнберг находился в творческом и дружеском общении с крупнейшими деятелями русской культуры, о чем свидетельствуют его воспоминания об А. А. Блоке, В. Я. Брюсове, А. Белом, Р. В. Ивановым-Разумнике, Л. Шестове, Л. Карсавине, Н. А. Бердяеве, К. Эрберге, О. Форш, о встречах с В. В. Розановым и Н. Гумилевым, С. Есениным и Н. Клюевым, А. В. Луначарским и М. Горьким⁹. Вольфила провела 28 августа 1921 г. специальное заседание, посвященное памяти Александра Блока, на котором со своими воспоминаниями о поэте А. З. Штейнберг выступал вместе с А. Белым и Р. В. Ивановым-Разумником. Эти выступления вошли в изданную Вольфилой книгу «Памяти Александра Блока» (Пг., 1922; книга переиздана в 1996 г. издательством «Водолей» в Томске).

В дневнике и записных книжках А. А. Блока несколько раз упоминается имя А. З. Штейнберга¹⁰. 15 февраля 1919 г. Блок пишет «Вести об аресте Штейнберга», а 16 февраля 1919 г. — «Ночь на одной койке со Штейнбергом»¹¹. Дело в том, что А. А. Блок, как и несколько ранее А. З. Штейнберг, находился под арестом с вечера 15 до утра 17 февраля в ходе массовых арестов лиц, так или иначе связанных с партией левых эсеров и ее изданиями. Об этом эпизоде А. З. Штейнберг вспоминал в названном выше сборнике «Памяти Александра Блока» (с. 35—53) и подробно рассказал об откровенном ночном разговоре с великим русским поэтом, в том числе и по еврейскому вопросу, в своих воспоминаниях¹².

А. А. Блок был знаком и со старшим братом А. З. Штейнберга — Ицхоком-Нохманом¹³. Социально-политические воззрения А. З. Штейнберга в определенной мере были близки взглядам его брата — видного деятеля левоэсеровского движения, восходившего к русским народникам. А. З. Штейнберг симпатизировал идеям русского народничества и принимал участие в неонароднических изданиях и в левоэсеровском журнале «Знамя труда», в котором впервые была напечатана поэма А. А. Блока «Двенадцать».

А. З. Штейнберг написал работу о Герцене «Берега и безбрежность. (К философии истории А. И. Герцена)», напечатанную в книге «А. И. Герцен» (Пг., 1920.

С. 31—38) наряду со статьями Д. С. Мережковского, А. А. Блока, Р. В. Иванова-Разумника, М. Лемке, Э. Л. Радлова и др. Особый интерес он проявлял к П. Л. Лаврову. Его статья «Начало и конец истории в учении П. Л. Лаврова» была опубликована в сборнике статей, посвященных П. Л. Лаврову, изданном в Петрограде в 1922 г. (в этом сборнике были помещены также статьи таких видных деятелей русской культуры, как Э.Л. Радлов, Г. Г. Шпет, Н. И. Кареев, П. А. Сорокин, П. А. Кропоткин и др.). В этой статье А. З. Штейнберг полностью солидаризуется с гуманистической точкой зрения на историю Лаврова — «самого крупного из русских рационалистов», с пониманием им значения свободы и нравственного идеала в истории человечества. Близка Штейнбергу и лавровская идея «социалистической культуры», возникающей в «зрелом состоянии» общества, когда достигается состояние «наибольшей возможной для него солидарности, при возможно большем развитии сознательности в каждом из его членов»¹⁴. Уже в Берлине в 1923 г. под редакцией А. З. Штейнберга в издательстве «Скифы» вышла «систематическая хрестоматия» произведений П. Л. Лаврова.

В 1922 г. в петроградском научно-литературном сборнике «Еврейская мысль» А. З. Штейнберг публикует большую статью «Герман Коген как воспитатель» о германском философе, который, будучи крупнейшим неокантианцем марбургской школы, занимался также философскими проблемами иудаизма, стремясь в рационалистическо-религиозной философии найти синтез религии и этики. Эта статья, на мой взгляд, определяет философский идеал самого Штейнберга, в аспекте которого он рассматривает воззрения Достоевского в своем наиболее значительном философском труде «Система свободы Достоевского».

Отношение Штейнберга к Когену определяется диалектически-парадоксальной формулировкой: «Коген жив. Вот то надгробное слово, которое мы уже теперь вправе произнести»¹⁵. И в этой связи появляется слово «диалог», в который вовлек Коген не только своих современников, но и «своих учителей и продолжателей и всех, для кого его книги — не ценные реликвии, а источник живой воды и живого учения» (ЕМ, 116). В трактовке Когеном философии Штейнберг подчеркивает с и с т е м н о с т ь, с и с т е м а т и ч н о с т ь: «Философия есть систематическая философия» (ЕМ, 117). В подходе к Канту у Когена раскрывается «перспектива на целостную философскую систему». Коген сам стремится создать «Систему философии», и в нем «снова ожил дух послекантовской систематической философии». Поэтому и Штейнберг уже в самом заглавии своей книге о Достоевском на первое место ставит слово «с и с т е м а»: «Система свободы Достоевского».

И второе слово — «с в о б о д а» в философской его трактовке подчеркивается Штейнбергом в учении Когена, в котором «выступает проблема свободы, т. е. проблема философской, систематической, укорененной в логике этики» (ЕМ, 119). Однако ценность с в о б о д ы не только в философском, но и в широком гуманистическом значении Штейнберг осознал теоретически и практически не только в философии Когена. Его привлекает пафос свободы в философии истории Гегеля, Герцена и Лаврова. Борьба за с в о б о д у мысли определяет активную деятельность Штейнберга в Вольной философской ассоциации: «Несмотря на все, что происходило в России, мы сумели создать в Петербурге укромный уголок, где свобода мысли еще жила»¹⁶. И невозможность свободы мыслить была основной причиной эмиграции Штейнберга. Неприемлемость марксизма для него заключалась прежде всего в том, что в нем выражено «презрение к свободной творческой воле, пренебрежительное отношение к индивидуальным историческим судьбам отдельных народов и государств, к началу органическому вообще»¹⁷.

Отношение Штейнберга к Когену дает возможность определить его собственно философскую позицию. Коген был главой марбургской школы неокантианства, и сам Штейнберг, изучая философию в Германии, получил возможность, что называется, «из первых рук» приобщиться к неокантианству баденской (фрейбургской) школы, слушая лекции и изучая труды Виндельбанда и Риккерта. Небезынтересно отметить, что философское мировоззрение Бахтина складывалось также под большим воздействием неокантианства. Но Штейнберг не стал ни кантианцем, ни неокантианцем.

В своих воспоминаниях он приводит такой разговор с Ивановым-Разумником на совете Вольфили, когда Штейнберг предложил прочесть свой доклад «Достоевский как философ» на открытом собрании Вольфили 16 октября 1921 г. Иванов-Разумник засомневался, помня неокантианское образование Штейнберга: «Боюсь, что вы сделаете из него какого-нибудь кантианца!» В ответ на это последовали слова Штейнберга: «Нет, кантианцем я Достоевского не сделаю, а вот последователем Платона — постараюсь»¹⁸. И в книге «Система свободы Достоевского», раскрывая диалогическую структуру диалектической системы свободы в творчестве Достоевского, Штейнберг сопоставляет Достоевского с Платоном. Он полагает, что «все герои Достоевского, как и все герои Платона, говорят за него, или, что то же, он всегда говорит за себя» (ССД, 35). Для Штейнберга установление связи Достоевского с Платоном носит принципиальный характер. Штейнберг убежден в том, что «система свободы Достоевского только в том случае и может быть названа системой, если ее учение о задачах сознания покоится на метафизическом учении об идеях» (ССД, 32).

Неокантианец Коген и стал для Штейнберга проводником на пути от Канта к Платону. Штейнберг отмечает, что Коген, стремясь в единой системе своей философии преодолеть двойственность философии Канта, связанную с признанием неизвестной «вещи в себе», совершает «переход от Канта к Гегелю», стремится «читать и читать Канта по Гегелю», «по-гегелевски реформировать Канта». В результате этого «кантовская “вещь в себе” встает перед нами как идея, то есть как вечная задача самого познания» (ЕМ, 121). Как полагает Штейнберг, «нет более насыщенной философскими традициями системы, нежели канто-гегелевская система, мыслимая как единство. Но, что существеннее всего, в такой грандиознейшей по своим тенденциям системе заново воскресает и Платон, то есть первоисточник идеализма и систематичности» (ЕМ, 124).

Подчеркивая связь художественного творчества Достоевского с Платоном (при этом эта связь устанавливается автором книги «Система свободы Достоевского» даже вне зависимости от того, «знал или не знал Достоевский Платона по его литературному наследию» (ССД, 32) (хотя известно, что собрание сочинений Платона было у него под рукой в последние годы жизни), Штейнберг не сводит философию Достоевского только к одному Платону.

В своей книге А. З. Штейнберг предпринял попытку представить художественное творчество Ф. М. Достоевского как философскую систему «конкретного идеализма», включающую в себя, прежде всего, объективный идеализм Платона, но также «идею саморазвития монады» Лейбница, трансцендентализм Канта, «примат действительности» Фихте, «конкретную философско-историческую перспективу» Гегеля (ССД, 125, 134—135). При этом сам автор книги вполне разделяет философскую позицию Достоевского. Однако такое многообразие философских источников системы «конкретного идеализма» представляет собой не эклектическую смесь, а образует, по словам Штейнберга, оригинальную «симфоническую целостность» (ССД, 35) художественно воплощенных философских воззрений, выражающую систему мысли русского самосознания (см.: ССД, 19). Такую «симфоническую цело-

ственность» можно рассматривать в философии как определенное проявление с и с темного плюрализма¹⁹.

Философским воззрениям Штейнберга, как отмечалось выше, свойственна сознательная диалектичность, благодаря которой он сам диалог трактует, в противоположность М. М. Бахтину, как проявление диалектики. Бахтин отрицательно относился к диалектике главным образом потому, что он ее воспринимал как составную часть неприемлемой для него марксистской философии диалектического материализма, имеющей своим теоретическим источником диалектику Гегеля. Штейнберг же усматривал в марксистской философии трансформацию диалектики в софистику в «софистическую, дурную диалектику» — «диалектическую шпагу» в руках дьявола. О какой подлинной диалектике может идти речь, если даже у самого философски образованного марксиста — Георга Лукача пролетариат превращается в «абсолютный субъект-объект», из чего вытекает антидиалектическая формула: «Нет Абсолюта кроме пролетариата, и Ленин пророк его!»²⁰ Природа диалектики и диалектического мышления для Штейнберга раскрывается Гераклитом и Платоном и, конечно же, в философии Гегеля. В программе курса лекций по «Истории эстетических учений» в связи с изложением диалектической истории и систематики искусства, диалектического развития каждого отдельного вида искусства, диалектики прекрасного и возвышенного у Гегеля и его последователей Штейнберг отмечает: «Диалектика красоты и красота диалектики»²¹. Непосредственное воздействие на диалектическое миропонимание Штейнберга оказала философия истории столь ценного им А. И. Герцена. «Прежде и после всего Герцен был философом истории, — отмечал Штейнберг, — до конца жизни гегелианская завкаса его юности не перебрала в нем», но «философия Гегеля превратилась для него в — «алгебру революции»»²².

Диалектические воззрения самого А. З. Штейнберга ярко проявляются в его книге «Система свободы Достоевского» и в книге о Достоевском на английском языке, вышедшей в 1966 г.²³ Свое диалектическое понимание развития художественной культуры и современного искусства Штейнберг выразил в эссе «Развитие и разложение в современном искусстве»²⁴.

Диалектический характер носят взгляды А. З. Штейнберга на взаимоотношение наций и национальных культур в частности и в особенности — на соотношение еврейской и общечеловеческой культур. Образцом для него и в этом отношении служит Герман Коген — не только выдающийся философ, но и «учитель и воспитатель еврейства» (ЕМ, 132). Внутри «самого еврейства он проповедовал верность еврейскому предназначению через его осознание, через философское его обоснование. И в этом его величайшее значение как воспитателя еврейства» (ЕМ, 134). Но еврейская точка зрения Когена как философа «совпадает с общечеловеческой, потому что Коген, как один из признанных воспитателей и учителей еврейства, учит нас прежде всего духу систематической философии, не знающей ни эллина, ни иудея» (ЕМ, 116). Сама «история еврейства есть борьба за Логос истории, за разумность исторического процесса» (ЕМ, 133). Через систематическую философию, сторонником которой был Коген, выражается стремление к единству и целостности общечеловеческой культуры и предпосылка такой философии — «идеал общечеловеческого разумного единства» (ЕМ, 132). Поэтому в «эстетически ценной еврейской личности» «национальность и человечество не будут представлять противоречия» (ЕМ, 136). Штейнберг солидаризуется с Когеном в стремлении «обосновать национальное воспитание на сверхнациональных, общечеловеческих принципах» (ЕМ, 135).

Диалектический подход Штейнберга проявился и в понимании феномена русскости еврейства. По его словам, «русское еврейство представляет собою некое органическое единство, хотя и принадлежит одновременно к двум разным объемлющим его целым: к всенародной общине израильской и к России. У русских евреев есть задачи по отношению к всемирному еврейству и есть задачи по отношению к России. Исторические судьбы складываются, однако, насколько нам доступно судить об этом, так благоприятно, что двойственность наших задач не породит для нас, русских евреев, никаких внутренних конфликтов, потому что, служа России, мы сумеем служить тем самым и нашему еврейскому призванию». Эта диалектическая двойственность «русского еврейства» и выражается в том, что «мы в России и среди русских, конечно же, нерусские, но вне России и даже среди заграничных евреев мы ощущаем, как много в нас русского...»²⁵

В 1944 г. в лондонском издании PEN-клуба “*Freedom of Expression*” («Свобода выражения») напечатано эссе А. З. Штейнберга «Еврейская шкала ценностей»²⁶. Основная мысль этого эссе заключается в том, что еврейская шкала ценностей, с ее подчинением материальных ценностей духовным, утверждением святости как ценности ценностей, нетерпимости ко всякому злу, стремлением к «божественному Царству свободы», как к возвращению в райский сад, с библейским принципом «люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19:18) — это, по сути дела, общечеловеческая шкала ценностей. Поэтому лейтмотивом философии истории Штейнберга является мысль о том, что еврейский вопрос, как воочию показали нацизм и советский социализм, — это своеобразный барометр отношения к общечеловеческим, подлинно гуманистическим ценностям и основанной на них нравственной культуре. Еврейская мораль, по Штейнбергу, при сохранении «интимности еврейской частной жизни» предполагает в то же время «уважение человеческого достоинства нееврея в соответствии с его неотъемлемыми привилегиями как сына Адама»²⁷.

Философские воззрения А. З. Штейнберга стали основой его плодотворной деятельности во главе отдела культуры Всемирного еврейского конгресса. По характеристике Нахума Гольдмана²⁸, который с 1949 по 1978 г. был президентом Всемирного еврейского конгресса, «личность А. Штейнберга соединяла в себе много аспектов, очевидно противоречивых, но которые тем не менее объединялись в нем в гармоническую целостность. Он был революционер, но отличавшийся мягкостью, миролюбием и добросердечием. Он был глубоко религиозен, но в то же время толерантен, ненавидя всяческий фанатизм. Он был глубоко лояльный и страстный еврей, но также и великий гуманист и универсалист по своим знаниям и интересам, в своем мышлении и характере»²⁹. Именно просвещенность А. З. Штейнберга, его толерантность, гуманизм и универсальность давали ему возможность быть связующим звеном между евреями, живущими в различных странах, а также вступать в дружеский диалог с людьми, принадлежащими к другим народам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ In Memoriam Dr. Aaron Steinberg, 1891—1975. Geneva, 1976.

² History as experience: Aspects of historical thought. N.Y., 1983.

³ Эта проблема исследуется мною в статье «М. М. Бахтин и А. З. Штейнберг: Бахтин повторил или Штейнберг предвосхитил?», опубликованной в тематическом выпуске журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» — «М. М. Бахтин в контексте русской культуры XX века» (М., 2000. Вып. 3/4 (32/33). С. 36—58).

⁴ Штейнберг А. З. Система свободы Достоевского. Берлин, 1923. Цит. по переизд. (Paris, 1980. С. 49; далее ссылки на эту книгу даны в тексте сокращенно — ССД с указанием страниц в скобках).

- ⁵ В «Русской мысли» были напечатаны обзорные статьи А. З. Штейнберга «Различные течения в новейшей немецкой эстетике» (1911. № 2) и «Философия мнимого» (1911. № 11), рецензии на немецкое издание международного философского журнала “Logos”: «В поисках философии будущего» (1911. № 6) и «Философия и культура» (1912. № 5). Статья «Парламент философии» была посвящена IV Международному философскому конгрессу в Болонье, в работе которого участвовал сам А. З. Штейнберг (1911. № 7).
- ⁶ Сохранилось вступительное слово К. Эрберга к докладу А. З. Штейнберга «Достоевский как философ» 16 октября 1921 г. (см.: *Вопр. философии*. 1994. № 5. С. 102—103. (Публ. В. Г. Белоуса).
- ⁷ См.: *Штейнберг А. З.* Тезисы к докладу «Время и пространство в философии истории» // *Диалог*. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 4. С. 107—108. (Публ. В. Г. Белоуса).
- ⁸ О работе А. З. Штейнберга в Вольфиле дает представление статья А. Белого «Вольная философская ассоциация», напечатанная в 1-м номере берлинского журнала «Новая русская книга» за 1922 г.
- ⁹ *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет (1911—1928) / Подг. текста, послесл. и прим. Ж. Нива. Париж, 1991.
- ¹⁰ *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 462; 1963. Т. 7. С. 319, 506.
- ¹¹ *Блок А.* Записные книжки, 1901—1920. М., 1965. С. 449.
- ¹² *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет. Париж, 1991. С. 36—42.
- ¹³ Исаак Нахман (Ицхок-Нохман) Захарович Штейнберг (1888—1957) окончил Гейдельбергский университет; член партии эсеров с 1906 г., в 1917 г. депутат Учредительного собрания, член ЦК партии левых эсеров, с декабря 1917 г. народный комиссар юстиции в правительстве В. И. Ленина от партии левых эсеров, неоднократно протестовавший против приговора ВЧК; в 1918 г. член ВЦИК. В 1919—1922 гг. подвергался арестам. С 1923 г. в эмиграции — сначала в Берлине, а в 1933—1939 гг. в Лондоне; в 1939—1943 гг. находился в Австралии, где изучал вопрос о поселении еврейских беженцев. Умер в Нью-Йорке. Автор книг «От Февраля по Октябрь 1917 г.» (Берлин; Милан, 1919), «Нравственный лик революции» (Берлин, 1923), «Дорога мучений» (1927), «Максимализм в еврейском мире» (1925, на идише), «Воспоминания народного комиссара» (1931, на идише), «Тридцатилетие социалистических идей в России» (1935, на идише) и др.
- ¹⁴ См.: *Штейнберг А. З.* Начало и конец истории в учении П. Л. Лаврова // *Лавров П. Л.*: Сб. ст. Пг., 1922. С. 357, 369—372.
- ¹⁵ *Штейнберг А. З.* Герман Коген как воспитатель // *Еврейская мысль: Науч.-лит. сб.* / Под ред. С. М. Гинзбурга. Пг., 1922. Т. 1. С. 116. Далее ссылки на эту статью даются в тексте сокращенно — ЕМ с указанием страниц в скобках.
- ¹⁶ *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет. С. 94.
- ¹⁷ *М. А. [Штейнберг А.]* Культура и революция // *Знамя борьбы: Орган заграничной делегации партии левых социалистов-революционеров и Союза с.-р. максималистов (Берлин)*. 1924. № 1. 20 марта. С. 23.
- ¹⁸ *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет. С. 65.
- ¹⁹ См.: *Столович Л. Н.* О «системном плюрализме» в философии // *Вопр. философии*. 2000. № 9. С. 46—56.
- ²⁰ *М. А. [Штейнберг А.]* Культура и революция // *Знамя борьбы*. 1924. № 5. Авг. [С. 16].
- ²¹ *Штейнберг А. З.* Программа курса лекций по «Истории эстетических учений» // *Вопр. философии*. 1996. № 6. С. 153. (Публ. В. Г. Белоуса).
- ²² *Штейнберг А. З.* Берега и безбрежность: (К философии истории А. И. Герцена) // *А. И. Герцен, 1870—21 января—1920*. Пг., 1920. С. 31.
- ²³ *Steinberg A.* Dostoevsky. L., 1966.
- ²⁴ *Штейнберг А. З.* Развитие и разложение в современном искусстве // *Искусство старое и новое: Сб.* / Под ред. К. Эрберга. Пг., 1921. С. 19—33.
- ²⁵ *Штейнберг А. З.* Ответ Л. П. Карсавину // *Тайна Израиля: «Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX — первой половины XX в.* СПб., 1993. С. 460, 465—466.
- ²⁶ *Steinberg A.* The Jewish scale of values // *Steinberg A.* History as experience. P. 231—234.
- ²⁷ *Steinberg A.* Jewish morals // *Steinberg A.* History as experience. P. 172.
- ²⁸ Гольдман Нахум (1895—1982) — видный деятель *сионистского движения; представитель *Еврейского агентства в Лиге Наций, президент *Всемирной сионистской организации (1956—1968), президент Всемирного еврейского конгресса (1949—1978). — *Ред.*
- ²⁹ *Aaron Steinberg (1875—1975): A tribute by Dr. N. Goldman // In Memoriam Dr. Aaron Steinberg.* P. 7.